

АНДРЕЙ ЖУРКОВИЧ

МОРМИЛАЙ
ГРЁЗЫ ПРОКЛЯТЫ

18+

Андрей Журкович

Мормилай. Грёзы проклятых

<https://litres.ru/74692702>

SelfPub; 2026

Аннотация

Его душа заперта в камне, тело повинуется чужой воле, а прошлое стало далёким сном. Алексей — мормилай, вечный пленник в собственном теле, вынужденный совершать зло по приказу нового хозяина. Он видит пороки и интриги дома Веленских, чувствует страх слуг и ненавидит себя за бессилие.

Но даже в сердце живого мертвеца может теплиться надежда. Надежда обрести союзника в лице странной прачки, не боящейся его прикосновений. Надежда найти слабость в магических оковах. И надежда доказать, что даже у потерянной души есть предел — и, достигнув его, она способна на бунт, который потрясёт основы этого жестокого мира.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	23
Глава 3	38
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Мормилай.

Грёзы проклятых

Глава 1

*Смерть не забирает жизнь, она ставит точку.
Тем горше судьба тех, для кого эта точка стала
запятой.*

Темнота. Она длилась вечность, тысячу вечностей, и не было даже мига проблеска надежды. Я тонул в бездонной пропасти естества, забыв, как дышать и мыслить. Моего тела не существовало. Был лишь вихрь, что танцевал под покровом великой ночи. Отчего-то я знал, что не существует ничего, кроме неё. Мягкая ультрамариновая дымка окутывала меня, нежно шепча несуществующие слова. Разум угасал, растворяясь в ней, наслаждаясь вечностью, что давно ждала и манила.

Вдруг вспышка света озарила вселенную, рассеивая мрак. Я снова видел, но не был этому рад. Каменные стены, горящие факелы и лицо, незнакомое и перекошенное от ужаса или, быть может, удивления. Над бездыханным телом склонилась какая-то тварь; у меня б язык не повернулся назвать её человеком. Нутро кричало об опасности, чуя противо-

естественную природу этого существа. Я видел всё со стороны, будто моя душа наблюдала за омерзительной и в то же время чарующей своей необратимостью картиной. Некромант склонился над телом. Из груди мертвеца поднимается зеленоватое облако... Жизнь? Сила? Душа? Увиденное заставило мысленно сжаться.

«Нужно уходить, — подумал я. — Я не должен был этого видеть. Прочь, назад, навстречу бездне».

На какой-то миг показалось, что мне удалось удрать. Каменные стены растворились в ультрамариновой дымке, а целительная темнота прогнала прочь тяжкие мысли. Можно было бы сказать, что я спал, но этот термин не способен отразить пребывание в бесконечной пустотной пропасти, будучи ничем и никогда. Здесь исчезал не только свет и мысль, но и само время. И когда уже казалось, что вечность приняла меня, я снова увидел проклятый свет. Я испытал разочарование и злость, первые чувства спустя... сколько? Не знаю. Я глядел, как свет поедает черноту мира, как он рисует очертания, заполняет их красками. Я ненавидел свет, а он ненавидел меня, возвращая туда, где вместо вечности поджидало нечто иное.

У меня зачесалось плечо. Не глядя, я поднял руку и принялся истово терзать ногтями оголённую кожу. Никаких ощущений. Я сознавал, что касаюсь себя, но не чувствовал прикосновений. Вдруг свет пронзил меня, мои глаза, выжигая, испепеляя и уничтожая. Тяжёлый хрип прорвал тишину

склепа. Я рывком поднялся, силясь вздохнуть... Но никак не мог. Голова закружилась. Я потянулся рукой, ища опору, и упал... С могильной плиты? Стола?

Боль пульсировала во всём теле. Я обхватил руками голову, и крик показался колокольным звоном в полночной тишине. Перед глазами был только каменный пол, на который извергалось моё нутро с рвотой, окрашивая плитку кровавой мерзостью. Я завалился на бок и зарыдал. Но не было слёз, как и не было сил бороться. Только гортанный и хриплый стон свистящим эхом отдавался от стен. Тогда я замер. Лежал так, не знаю, сколько, путаясь в мыслях и дрожа всем телом. Затем пошевелился и попытался встать. Первая попытка окончилась падением. Ноги не слушались, голова шла кругом. Я падал вновь и вновь, но не чувствовал боли, извиваясь, словно червь.

Полежав с минуту, а может и час, я осторожно перекатился на бок и сел. Перед глазами всё плыло. Меня мучал спазм, который поначалу я принял за икоту. Это была судорога, которая пронзала тело, заставляя вновь и вновь обрушиваться на землю. Цепляясь непослушными пальцами за операционный стол, я встал. Вокруг всё было залито кровью. Я сделал шаг, затем ещё один. Шатаясь, словно пьяница, я вышел в коридор и замер, пронзённый непонятным и доселе неведомым чувством.

— Замри, — повелел властный голос.

И я повиновался, не смея даже вздохнуть, хотя я и не по-

нимал, могу ли вообще дышать.

— Повернись, — отчеканил неизвестный.

Я хотел было воспротивиться, как вдруг почувствовал невероятное по своей силе жжение в затылке... Я не мог противиться этому голосу. Он был словно всем в моей жизни. Он мною правил. Он повелевал. Он не ждал протестов и компромиссов, а мог только указывать и принуждать.

— Повернись, — повторил он, и боль сломила волю.

Я послушно обернулся, уставившись на мужчину, застывшего посреди коридора.

— Вернись обратно, — спокойно велел он.

И я повиновался, вернувшись в комнату, где очнулся, не чувствуя ног, рук и уж тем более забыв о гордости. Был лишь голос. И боль.

С потерей воли я потерял счёт времени. Мне не хотелось ни есть, ни спать, справить нужду или размять мышцы. Тело послушно лежало в ожидании новой команды того, кто владел магнетическим голосом, малейший звук которого резонировал в каждом уголке моего тела. Когда неизвестный вернулся, я не смел даже скосить глаза, чтобы увидеть его лицо снова.

— Встань, — скомандовал голос.

Я повиновался. К моему удивлению, головокружение и слабость в теле ушли. Напротив, я словно бы даже обрадовался, что чуждый голос мною командует, пробуждая от забытья.

— Повернись, — велел мужчина.

Я снова безропотно повиновался. Передо мной стоял мужчина средних лет. В одной руке он держал клеть с горящей лучиной. Огонь должен был едва рассеивать мрак, но было необъяснимо светло.

«Я вижу в темноте? Странно. Почему так?».

Впрочем, из всего того, что происходило с моим организмом, данный факт вызвал наименьшее удивление.

«Ну, вижу и вижу. Что это меняет?».

Чёрная борода и аккуратно подстриженные волосы, бледная кожа, высокие скулы и карие глаза... Глаза неизвестного полнились самодовольством и интересом. Он осматривал меня так, словно я был скульптурой, а он — мастером, сотворившим очередной шедевр. На его шее висел чудной амулет. Камень, который я поначалу принял за кварц, был черен, как ночь, а внутри него то и дело поблёскивали тусклые сполохи, сменяемые клубящимися дымчатыми разводами. Отчего-то мне тотчас захотелось схватить камень, руки успели дёрнуться вперёд, но замерли, услышав строгое:

— Нет!

Мужчина нахмурился. Перевёл взгляд на мои руки, затем заглянул в глаза и мерзко ухмыльнулся. Поставив клеть с лучиной и протянув ладонь, он панибратски похлопал меня по щеке, как вдруг резко вцепился пальцами в лицо.

— Чуешь, да? — ехидно осведомился неизвестный, постучав ногтём по кристаллу. — Это твоё. Вернее, было твоё.

им. Больше тебе это не понадобится.

Резко развернувшись, он зашагал прочь из камеры, бросив на ходу:

— Следуй за мной.

Я повиновался. Не мог не повиноваться. Огонь в голове управлял мною, диктуя то, что следует делать. Мы двинулись по длинному коридору. Каменная кладка была стара, местами её покрывал мох и плесень. С потолка капала вода, образуя под ногами небольшие лужи. Мужчина шёл уверенным быстрым шагом, поднимая сонмы брызг, летевших на его тёмный плащ. Его это, казалось, совершенно не волновало. Я покорно следовал за ним, временами косясь по сторонам. Это было что-то вроде заброшенной тюрьмы. Множество одинаковых камер с ржавыми решётками; ни одна из них не была заперта на замок. Почти все помещения пустовали, лишь в двух я заметил столы, похожие на тот, на котором я очнулся. Поверх столов лежали тела, накрытые серой тканью.

В конце коридора мужчина толкнул истлевшую от времени деревянную дверь и начал подниматься по лестнице. Он оглянулся на меня, смерив прищуренным взглядом, а затем продолжил свой путь, так ничего и не сказав. Лестница вывела нас в просторный амбар, ныне пустующий. Копны гнилого сена, поломанная телега да развалившаяся от времени лавка. Выйдя на улицу, неизвестный флегматично отвязал поводья запряжённой в телегу лошади, мотнув мне головой.

— Забирайся в телегу и ложись.

Я повиновался.

Взяв вилы, мужчина забросал меня сеном. Вскоре мне уже ничего не было видно, но я его слышал и ощущал. Когда он куда-то удалялся, а затем приближался, я чувствовал покалывание в затылке. Телега качнулась и покатилась, то и дело подпрыгивая на ухабах. Лёжа под настилом сена, я, пожалуй, впервые с момента необъяснимого пробуждения успокоился. В тот же миг мысли, будто таран, ворвались в сознание, разбивая то, что осталось от человеческой памяти, на мельчайшие осколки. Я помнил всё. Каждый миг своей жизни, но теперь она казалась неизмеримо далёкой, полуденной тенью, что исчезает по воле чего-то большего, чем я сам, и в то же время мною уже не является.

«Что станет с моей женой и дочерьми?».

Вопрос воспарил, будто пёрышко, к пламени свечи и растворился в огне, который жаркой волной прокатился по затылку, отвергая его. Отчаяние и разочарование придало мне сил. Сконцентрировавшись насколько мог, я попытался вызвать в памяти их лица и с ужасом понял, что не могу этого сделать. Они где-то были, это не вызывало сомнений, но образы при каждой попытке оставались миражами, размытыми чертами, не складывающимися в ясную картину.

Мы ехали долго, за это время я успел порядком себя истерзать до того, что, когда телега остановилась, а сено убрали с моего тела, даже этому не удивился. Полнейший и неопи-

суемый ступор сковал мои мышцы, лишив интереса к... жизни? Я отчего-то точно знал, что расстался с этим даром навсегда.

«Он некромант. Один из тех выроdkов, что играет с чужими судьбами, поднимая из мёртвых. Так почему же я всё слышу и понимаю? Нужно моё тело? Забирай! Оно мне не без надобности! Что ты сделал с моей душой, ты проклятый психопат?».

— Вылезай наружу, — скомандовал мужчина.

Я повиновался. Телега стояла во дворе старинного особняка. Ему было не менее двух веков. Строители проектировали дом, возводя что-то напоминающее небольшую крепость. Узкие окна-бойницы, высокая башня, примыкающая к главному зданию, флигель для слуг, собственная конюшня и колодец внутри двора, окружённого четырёхаршинной каменной стеной. Во дворе, кроме нас, был лишь один мужичок, видимо, местный конюх. Раскланявшись перед некромантом, он поспешно удалился во флигель. Вскоре отворилась дверь, ведущая в особняк. На пороге застыла пожилая женщина. Она была одета в мешковатое чёрное платье, лишённое каких-либо кружевных украшений или изысков. В то же время на её шее сверкало кольцо, на стоимость которого можно было бы купить несколько деревень с жителями в придачу. Дама чинно прошествовала к некроманту и, остановившись напротив него, вальяжно протянула сморщенную кисть. Мужчина галантно припал к ней губами, однако от

меня не укрылось, что он не испытывал в этом жесте никакого трепета. Я почти физически ощутил его отвращение.

— Это он? — коротко обронила женщина.

— Верно, так, — медленно проговорил некромант. — Как обещал. Одна из моих лучших работ.

— Родные не хватятся? — осведомилась дама, разглядывая меня. — Впрочем, этот разговор не для улицы. Прошу меня простить за бестактность, — добавила она, продолжая изучать «товар». — Следуйте за мной.

Я распознал в их диалоге сразу несколько весьма странных и одновременно говорящих за себя вещей.

«Они не поздоровались, хотя тому велят светский этикет. То есть знакомы, либо всё происходящее слишком интимно, чтобы расшаркиваться даже в собственном дворе. Нас видел конюх, который тотчас удалился, значит, пребывание гостя не будет долгим. Никакие другие слуги не появились, хотя должны были, а значит, им запретили покидать флигель. Скрытность? Им есть чего опасаться?».

— Иди за мной, — сказал некромант, глянув на меня.

И прежде, чем я успел об этом подумать, ноги пришли в движение. Уже ставшее привычным жжение в затылке на миг усилилось, но, когда я послушался, исчезло. Мы зашли в дом, миновали прихожую и остановились в зале с длинным столом, за которым сидел ещё один местный обитатель. Им был молодой человек лет шестнадцати. Увидев вошедших, юноша подскочил и поспешно ринулся навстречу некроман-

ту, протягивая на ходу чуть трясущуюся руку. Мой тюремщик сдержанно её пожал и обернулся к хозяйке особняка.

— Присядем, — кивнула она. — Антони, поухаживай за нашим гостем.

Почти опустивший задницу на стул юноша замер, тотчас разогнувшись. Ловко подхватив хрустальный кувшин с напитком благородного гранатового оттенка, он наполнил три бокала на длинной ножке, стоящих на серебряном подносе.

— За сделку, — провозгласила пожилая дама, выхватывая у мужчин инициативу.

Некромант отсалютовал, легонько коснувшись своим бокалом её бокала, а затем и бокала юноши. Мужчина и дама едва пригубили, юноша же отпил значительно больше половины в один глоток.

— Начнём, — начал некромант.

— Мы слушаем, — откликнулась женщина.

— Я подготовил для вас прекрасный экземпляр, — проговорил некромант. — Возможно, лучшего мормилая из всех, что создавал за свою жизнь.

— Весьма высокая оценка своего ремесла. Но вы сказали «возможно». Вы не уверены или есть какие-либо изъяны?

— Пожалуй, изъян у него лишь один, — чуть улыбнувшись, ответил мужчина. — По происхождению он из Русарии.

— М-м-м, значит, рус мормилай. Это не опасно? Ах-ха-ха-ха! — женщина весьма едко рассмеялась, сверкнув глаза-

ми.

Юноша рядом с ней тотчас залился напускным хохотом. Некромант лишь сдержанно и вежливо улыбнулся.

— Да простит меня князь за то, что я скажу, но это не только не опасно, это даже хорошо. Всем известно, что русы — чрезвычайно свирепый и дикий народ.

— Но им не ведома доблесть и отвага полянцев! — горячо и едва не крича, заявил юноша по имени Антони, который к тому времени успел налить себе второй бокал вина.

— Глуп тот, кто думает иначе, — в тон ему вежливо ответил некрмант.

От меня не укрылось, что он лгал. Каждая фраза, каждое слово, что говорил мой пленитель, отдавались у меня внутри. Я чувствовал его настроение, эмоции, считывал мельчайшие эманации голоса. Затылок то и дело пылал, когда он злился, а в солнечном сплетении появлялась щекотка, когда его что-то веселило.

— Довольно, Антони, — укорила молодого человека дама. — Ни к чему говорить восторженные, но прописные истины, мы не на приёме у князя.

Юноша недовольно закусил губу, но промолчал, бросив на меня неприязненный взгляд. В этом взгляде читалось многое, и, возможно, я бы разозлился или мне бы стало не по себе, если бы не абсолютный и всепоглощающий флёр отрешённости, что укрывал моё естество, ныне лишённое собственной воли.

— Перед вами пехотный капитан псковичей. Я изучил его, как следует, — продолжил некромант, говоря медленно, смакуя каждое слово, явно набивая себе цену. — Отменный, и, говоря «отменный», я безусловно имею в виду «отменный», применительно к русам, экземпляр для создания кадавра.

— Мастер, мы уже поняли, что вы патриот и не восхваляете этих варваров, — чуть раздражённо заметила пожилая дама. — Полно заострять на этом внимание, говорите, как думаете.

— Как будет угодно, — кивнул некромант. — Пехотный капитан псковичей, при жизни именовался Алексеем Яровицыным. Был убит неделю назад при неудачном штурме форта Корвник.

— Я бы предпочла полковника, а не какого-то там капитана, — брезгливо заметила дама.

— Рискну заметить, что для мормилая материал лучше именно капитан, — гадливо улыбнувшись, проговорил некромант.

— Это ещё почему? — ответив ему улыбкой, осведомилась хозяйка особняка.

— С точки зрения военного дела «живых», — некромант сделал акцент на этом слове. — Полковник, конечно же, имеет больший вес. Но в моем ремесле он материал похуже по ряду причин. Во-первых, чтобы честно дослужиться до полковника в Русарии, нужно тянуть лямку едва ли не два, а то

и три десятка лет. Как вы понимаете, материал к тому времени естественным образом портится.

На лице дамы напряглись желваки, а взгляд на миг стал подобен стали.

«Надо же, а он тебя зацепил, — подумал я. — Ты старая! Осознанно ли он это сделал? Нет? Но ты приняла это на свой счёт».

— Молодой полковник ещё хуже, — продолжил некромант. — Он получил звание по блату, а значит, может быть лишён как физических дарований, так и умственных.

— Разве для нас имеет значение его интеллектуальные возможности? — осторожно спросил юноша, воспользовавшись заминкой пожилой дамы. — Он же кадавр! Зомби!

— Имеет, Антони, — тихо отозвалась мать.

Я почему-то заметил, что на её лице промелькнула тень. Будто отголосок подавленного воспоминания.

— Имеет и ещё как, — серьёзно подтвердил некромант. — Весь жизненный путь, что прошёл человек до смерти, определяет его суть в посмертии, которое даруют такие, как я. Мормилай — это не гниющий монстр, как принято считать. Это отражение жизни. Он способен мыслить, рассчитывать, предугадывать. Тело помнит практические умения, например, такие как фехтование.

— Он может думать? — деланно ужаснулся Антони. — Может, вы ещё скажете, что он понимает наш разговор?

— Он его слышит, — выдержав паузу, ответил мужчи-

на, улыбнувшись. — И понимает. Секрет создания мормилай заключается в том, что некромант работает с телом, ещё не лишённом души.

Повисла гнетущая тишина. Я видел, как лицо пожилой дамы натянулось. Осторожно глянув на сына, она взяла его за руку.

— Объясни, — чуть хрипло, подавляя подступивший к горлу ком, попросила хозяйка дома. — Для него, — добавила она, едва заметно качнув подбородком в сторону сына.

Я почувствовал жар в затылке, сменяющийся щекоткой в животе. Мой пленитель ликовал от осознания собственной силы и их страха!

— Что такое мормилай? — вальяжно откинувшись на спинку стула, спросил некромант, окидывая взглядом зал, словно его слушали студенты в аудитории.

Не дожидаясь ответа, он продолжил, заполняя зал невидимым смыслом и властью.

— Мормилай — это не бездушный зомби. О-о-о, нет. Это особый, вернее сказать, особенный кадавр, подчинённый волей некроманта в течение трех дней с момента смерти. Видите ли, — он смолк, вглядываясь в лица потенциальных покупателей. — Душа покидает тело, пусть даже изрубленное в куски, лишь по истечении трех суток с момента смерти. Такой материал не просто лучше, он сильнее в силу того, что ещё не лишился божественной искры, что вверил ему создатель.

Тишина, властвующая в зале, стала тяжёлой, и даже я, покорно стоящий подле стола, впитывал каждое его слово, боясь что-то упустить.

— Создавая мормилая, некромант, то есть я, запирает душу умершего в медальон из особого камня. Я не буду вдаваться в подробности, что это такое. Это для вас и не важно. Правда в том, что я... — он помедлил. — Мы... пленяем душу умершего, запечатывая в артефакт, которым и будем в дальнейшем им управлять. Мормилай умён, ведь он, по сути, почти человек, но он слаб, поскольку не может перечить железной воле того, к кому привязан медальон. Но слаб лишь в сравнении с хозяином, но не его врагами.

От того, что я услышал, у меня... бы закружилась голова, ушла земля из-под ног, быть может, меня бы опять вырвало... Но я стоял, как вкопанный, и впитывал правду. Жестокую, нечестную, омерзительную, чудовищную правду о том, какой теперь стала моя... моё... нет, не жизнь, лишь существование.

«Я в ловушке, — устало и отрешённо подумал я. — В тюрьме, у которой нет решёток. Я даже не погиб... уже. Я пропал».

Что может быть хуже рабства? Лишь рабство, в котором ты заключен на веки вечные. Когда твоя душа продана... проклята? А мир вокруг, прежде прекрасный и желанный, стал лишь ареной осуществления чужих прихотей. Ты даже не можешь себя убить. Не способен. Не имеешь права. Раз-

решения.

— Перейдём к гарантиям, — откашлявшись, спросила пожилая дама.

— Я готов заключить нерушимый контракт, — по-деловому заявил некромант.

Увы, я слышал о таких вещах. Раньше... В прошлом... Я никогда не думал, что стану участником такого соглашения. По правде сказать, я даже не верил в подобные вещи. Да, бытовали легенды о том, что в мире существуют некие чародеи, умения коих разнятся и, что они избегают афиширования собственных сил. Я слышал о ведьмах и колдунах, о шаманах в конце концов... Но вера в их существование вызывала лишь снисходительную улыбку. Да, я знал, что на службе полянцев есть какие-то мифические некроманты, но я всегда считал их попросту не в меру ретивыми палачами... Теперь же я стоял в зале чужого дома, слушая разговор о том, кто был и есть я... Не имея и малейшего шанса сопротивляться.

— Как именно он погиб? — нарушила тишину пожилая дама.

— Пять пулевых ранений, — небрежно ответил некромант. — Но ни одного в голову.

— Его тело получило повреждения, — весомо заметила дама. — Это не совсем качественный товар.

— Вынужден опровергнуть сие высказывание, — с раздражением сообщил некромант. — Все дырки в его теле я заштопал. Плоть срастил. Сожалею, что вынужден повторять

это вновь: мормилай отменного качества, едва ли не лучший. Другого такого вы не найдёте в ближайшие годы.

— Вы сомневаетесь в успехах армии Поларнии? — тотчас осведомился Антони, даже встав.

Некромант перевёл на него полный ярости взгляд.

— Довольно, сын, — рявкнула хозяйка особняка, явно предвидевшая конфликт. — Нас устраивает товар, мы готовы подписать договор.

— Очень рад, — процедил сквозь зубы некромант. — Я тоже готов. Кто будет повелителем?

— Последний вопрос, — нахмурившись, спросила пожилая дама. — Сколько он будет... кхм... функционировать?

Некромант чуть помедлил, обратив свой взгляд на меня.

— Не менее пяти лет. Этот срок я могу гарантировать.

— А после, — не унималась хозяйка особняка. — Сбежит?

— Он не может сбежать. Во всяком случае, при правильном использовании, — скупое ответил мужчина. — По истечении пяти лет начинает нарушаться связь между амулетом, в котором заключена душа, и самим телом. Когда связь прервётся, тело умрёт.

— А душа?

— Останется в амулете, но она уже не будет представлять ценности.

— Мы поняли. Он сможет защитить моего сына от всех напастей? — продолжила гнуть свою линию покупательница.

ца.

— Смысл его существования в служении. Мормилай создан для того, чтобы служить господину. Он самый лучший слуга. Идеальный. Он отдаст за него себя без сомнений и размышлений.

— Что ж, я услышала то, что хотела. Начинайте.

Я ждал какого-то ритуала. Некоей инициации, но ничего такого не произошло. Некромант извлёк из-за пазухи сложенный вдвое лист бумаги и толкнул его по столу молодому Антони.

— Я буду говорить, а вы отвечать, — проговорил некромант, неожиданно достав из кармана длинную костяную иглу.

Медальон, что покоился на его шее, бряцнул по столу. Мужчина резко кольнул безымянный палец на правой руке, передав иглу юноше. Тот принял её, повторив его движение. Некромант опустил палец на медальон, оставив на нём алое пятнышко, мальчишка сделал так же.

— Я, Мирел Арджинтарий, снимаю с себя власть над мормилаем, — произнёс некромант. — Читайте следом, — шепнул он.

— Я, Антони Веленский, принимаю власть над мормилаем, — зачитал дрожащий от возбуждения или страха юноша.

— Отныне он будет подчиняться лишь вам, — продолжил некромант.

— Отныне он будет подчиняться лишь мне, — ответил

юноша.

— Я клянусь, что никто и никогда не узнает имени покупателя, — сообщил некромант.

— А я принимаю эту клятву, — запинаясь, прочитал Антони.

— Я клянусь, что этот мормилай чист и никогда не навредит хозяину.

— А я принимаю эту клятву и объявляю его своей собственностью, — пискнул юноша.

— Скрепим же сие соглашение огнём, — демонически улыбаясь, закончил некромант.

— Скрепим! — прошептал окончательно перепуганный юноша.

Мать поднесла горящую свечу, поставив её между ними. Некромант простёр ладонь над пламенем и долго держал. Затем его примеру последовал молодой хозяин. Он едва не отдёнул руку, но вытерпел, будто знал, сколько именно надо держать плоть в огне.

— Вот вам моя рука, — глухо заявил некромант, и я почувствовал, как пол под ногами зашевелился.

— Вот вам моя рука, — ответил юноша.

Когда их кисти соприкоснулись, я ощутил резкий укол в затылке. Головокружение, последовавшее следом, заставило меня упасть навзничь.

— Наденьте амулет, — услышал я эти слова, теряя сознание.

Глава 2

*Самые низменные человеческие поступки
свершаются от безнаказанности.*

Я лежал в траве, наслаждаясь палящим зноем. Никогда не любил холод и всегда обожал жару. Тёплый ветер играл волосами. Я специально дышал медленно, смакуя ароматы трав: клевера и василька, зверобоя и колокольчика.

— Па-а-ап, ну поиграй со мной, — канючил тоненький голосок.

А я притворялся, что сплю.

— Ну, па-а-а-а-ап, давай поиграем! — вторил другой детский голос.

Дочери дёргали меня за штанины, разжимали пальчиками закрытые веки.

— Хррррр, пффффф! — изображал я храп, еле сдерживая улыбку.

— Папа, а ты улыбаешься! Я видела, — пропищала девочка.

— Я первая! Я первая видела! — возразила ей другая.

— Нет, я первая!

— Нет, я!

— Я!

— Я!!!

— Всё, всё, всё, не ссорьтесь! — ласково сказал я, садясь.

— Вы обе были первыми!

Злата вкрутилась мне подмышку, обхватив торс руками, и, прижавшись, начала щекотать носом. Леська не отставала. Опустив ладони на щеки, она поцеловала меня в нос.

— Папочка, ты у меня самый любимый!

— Нет, у меня!

— Так, тихо вы! — вновь рассмеялся я. — Вы мои любимые, самые славные на свете девочки!

— Тогда поиграем? — лукаво заглядывая в глаза, пропела Злата.

— Вставай!

— Вставай, папочка!

— Встань, пададь!

В глазах потемнело. Запах луговых трав исчез. Я слепо шарил руками вокруг себя, силясь понять, что происходит. Но тело уже выполняло приказ. Руки оттолкнулись от пола, ноги распрямились. Я открыл глаза. На стенах висели масляные лампы, поигрывая пляской частичек огня и едва заметно чадя чёрным дымком. В комнате не было мебели, зато множество стоек с оружием. Рапиры, сабли, короткие мечи, длинные, гизарма, протазан, клевец, утренняя звезда, бердыш, аркебузы и пистолеты разной тяжести и модификаций.

«Приличная коллекция», — отметил я про себя, тотчас ощутив боль в затылке.

— На колени! — вскричал Антони.

Я безропотно повиновался. Он залепил мне хлёсткую пощёчину обратной стороной ладони, тотчас зашипев от боли. Хотел было ударить снова, но, поймав мой взгляд, остановился.

«Сдрейфил, молодой господин, — подумал я, рассматривая его покрасневшее от ярости лицо. — Зачем так пыжиться, я и так сделаю всё, что придёт в твою маленькую и злобную голову».

— Маман отвалила некроманту такую сумму, что дешевле было бы нанять отряд ландскнехтов! — прошипел юноша, отворачиваясь. — Хочется верить, что ты и правда так хорош, как тебя расписывал этот фокусник Арджинтарий.

«Ты ещё заплачь, избалованная девочка. Мамочка купила подарок, а подарок не блестит бриллиантами. Если бы мне не было плевать, я бы расплакался».

Я вдруг понял, что способен хоть как-то ему противостоять. Пока юнец расхаживал вокруг, осыпая меня совершенно бессмысленными и ненужными угрозами и обвинениями, я думал о нём всё, что мне заблагорассудится. Если бы я мог смеяться или хотя бы улыбнуться, то клянусь, мой хохот услышали бы соседи. Однако мой новоиспечённый господин распалялся, а следом за его яростью неотлучно следовала боль. Сперва появилась мигрень, сменившаяся такой мукой, что я иногда терял зрение. Наконец, он успокоился, всласть наигравшись в командира.

«Такому говну, как ты, я бы не то что командовать десят-

ком, даже нужник бы чистить не доверил», — мстительно подумал я.

— Так, надо тебя проверить, — почёсывая мальчишескую, не особо презентабельную бородку, проговорил юноша. — Возьми рапиру.

Я повиновался. Едва ладонь легла на рукоять, у меня внутри будто распустился бутон пламенного цветка. Я попытался шагнуть ему навстречу, но ноги даже не шевельнулись. Поднять руки тоже не удалось.

«Жаль, — подумал я. — Остаётся надеяться, что ты напортачишь с командами. Тогда я тебя заколю».

— Не эту рапиру, болван ты русавый, — раздражённо бросил Антони. — Бери учебную, с пунтой на конце.

Я повиновался. Вернув на стойку боевую рапиру, я взял другую, с петлёй вместо острия. Такие использовались для тренировочных спаррингов.

— Так. Слушай внимательно, мормилай. Твоя задача — меня атаковать и защищаться. Сильно не бить, за каждый синяк будешь платить пальцем.

«Подумаешь, напугал».

Антони набросил стёганую куртку, надел фехтовальную маску и, встав в стойку, замер, метя в меня остриём рапиры.

— Начали, — крикнул он, тотчас прыгнув на меня, стараясь уколоть в лицо.

«А мне, значит, маска не нужна? Ну, давай, коли, лиши меня зрения. Посмотрим, что твоя маман скажет на это».

Не знаю уж, то ли выучка, то ли гордость, но я не позволил ему ударить себя. В последний момент, взяв защиту глубоким шагом назад, я отвёл его клинок в сторону и, толкнувшись вперёд, выиграл соединение. Пунта моей рапиры упёрлась ему в горло. Мне очень хотелось нажать. До одури и зуда в затылке, но я попросту не смог. Тело не слушалось. Я знал, что способен убить его даже петлёй вместо острия, но рука сдержала укол.

— Я поскользнулся! — взвизгнул юнец и саданул меня по лицу гардой.

Я даже не покачнулся.

«Мои дочери быют сильнее».

— Ещё раз! — прокричал Антони, вставая в стойку. — Нападай!

Я сделал два коротких шага вперёд, выбросил руку и тотчас шагнул назад. Юноша купился, попытавшись контратаковать. Я хладнокровно отвёл его клинок свободной рукой в сторону и шагнул вперёд, приставив сильную часть лезвия к его горлу. Я смотрел прямо в его наглые и столь же глупые глаза. В них пылала ярость. В затылке вновь начал пульсировать пучок боли.

— Ещё раз! — взвизгнул Антони, отшагивая назад.

Я сделал шаг вперёд. Ещё шаг. А затем сразу два, медленно толкнув правую руку, метя ему в грудь. Я делал это нарочито топорно и открыто, чтобы господин мог взять защиту. Тот радостно сбил в сторону мой клинок и уколол в живот,

пружинисто опустившись в низкую стойку. Его рапира изогнулась, встретившись с моей плотью, свидетельствуя о том, что хозяин провёл успешную атаку.

— Что и требовалось доказать, — победно заявил Антони. — Русы неспособны учиться, вас легко обмануть, а затем покарать. Неудивительно, что ты сдох, — добавил он, чуть запыхавшись.

«Уже трясёшься. И это мы трижды сошлись, и я поддался. Ох, парень, желаю тебе почаще бросать вызовы на дуэли».

— Ладно, кое-что ты можешь, и это главное, — напыщенно сообщил Антони. — В настоящем бою успеешь принять на себя несколько ударов, а уж я прикончу тех, кто останется.

«Какой же ты жалкий, — подумал я. — Неужели в твоей жизни нет ничего важного и значимого, что ты самоутверждаешься за счёт послушного зомби».

Антони подошёл к окну, сбросив тренировочный колет и маску, плеснул себе воды из хрустального графина в пузатый бокал и жадно его опустошил, проливая на белоснежную сорочку. Приоткрыв ставни, он посмотрел куда-то вниз, некоторое время всматриваясь.

— Ладно, на сегодня хватит, — бросил он ни то мне, ни то сам себе, оставив оружие на глубоком подоконнике. — Иди за мной, мертвяк.

Я послушно зашагал следом.

— Господи, какой же ты тупой, — рявкнул Антони. — Рапиру поставь на стойку! Идиот...

«Эх, что ж... Попытаться всё равно стоило».

Особняк был построен в форме кольца. Мы прошли по длинному коридору, миная проходные залы, затем спустились на этаж ниже, миновали ещё несколько коридоров, сворачивая, а затем спустились ещё этажом ниже. Антони толкнул ногой дверь, входя на кухню. Здесь хлопотали две кухарки: одна постарше, лет пятидесяти, другая помоложе. Я бы не дал ей больше двадцати. Тугие каштановые локоны свивались в спирали, спадая на её хрупкие плечи. Аппетитная, явно не знавшая кормления грудь, натягивала запачканный мукой передник. Заметив господина, обе опустили головы, застыв, как статуи.

— Майя, ты на сегодня свободна, — ледяным тоном обронил Антони. — Ступай.

— Благодарю, господин, но у нас ещё много работы, — тихо прошептала та, что постарше.

— Я сказал, — процедил сквозь зубы юноша. — Ты. На сегодня. Свободна.

— Благодарю, господин, — дрогнувшим голосом ответила женщина и, отпустив неумелый реверанс, вышла.

Антони прошёл вдоль длинного стола и, подцепив носком стул, выдвинул его и сел. Он молчал, плотоядно разглядывая оставшуюся кухарку.

— Мой новый слуга, — самодовольно бросил он, кивнув на меня. — Он мертвец. Слышала о таких?

— Нет, господин, — ответила Анна, боязливо косясь на

юношу. — Страх-то какой.

— Не бойся, — рассмеялся он, натягивая мерзотнейшую улыбку. — Со мной тебе нечего бояться. Я только что задал ему такую трёпку, что в пору нового заказывать.

— Вы храбры, как лев, мой господин, — прошептала кухарка.

— Да, что ты там стоишь, — продолжил Антони, закидывая ноги на стол. — Присядь, отдохни... А, впрочем, налей-ка мне вина!

Кухарка молча отправилась в кладовую, вскоре вернувшись с закупоренной и пыльной бутылкой из тёмного стекла. Достав из буфета хрустальный бокал, она срезала пробку и наполнила его.

— Плесни и себе, — улыбаясь, проговорил Антони.

— Это вино слишком дорогое... господин, — прошептала Анна.

— Плесни, я сказал, — велел юноша, и в его голосе зазвенело подкатывающее раздражение.

Она повиновалась. Достала из буфета ещё один бокал и наполнила его.

— За моего мормилая, — провозгласил тост Антони. — Пусть его посмертие будет ещё ужаснее, чем жизнь!

Он захохотал, и кухарка вежливо присоединилась, бросив на меня несчастный взгляд. Антони залпом выпил вино, затем встал и сам наполнил свой бокал вновь. Отпив половину, он смахнул алые капли манжетом белоснежной сорочки.

Глянув на пятно, он деланно скривил губы.

— Какой же я неряха... Придётся выбросить... Впрочем, ладно. Может, отстирают. Надо отдать прачке...

Он медленно расстегнул манжеты, затем пуговицы от шеи к животу. Сняв сорочку, Антони бросил её на стол, рядом с открытой бутылкой вина. Анна была бледна, как мел. Она старательно отводила глаза, но юноша от этого лишь раззадоривался.

— Раздевайся, — скомандовал он.

— Господин, прошу... Не надо.

— Раздевайся, Анна, раздевайся. Чего ты боишься? Я же не стесняюсь тебя, — заявил он, шутливо бросив взгляд на свой голый торс.

Кухарка обречённо сняла передник, а затем начала медленно распутывать завязки на платье. Но остановилась, ещё надеясь, будто он передумает. Конечно же, она ошибалась.

— Пожалуйста, не надо! — прошептала Анна.

«Молчи, дура! — думал я, бессильно наблюдая за происходящим. — Ему этого только и надо. Чтобы ты была маленькая, слабая, чтобы ты плакала».

Вдруг Антони налетел на неё, как сумасшедший, схватив за воротник.

— Что ты за баба такая?! — вскричал он. — Не баба, а бревно! А ты ещё! Чего уставился? — вскинулся он уже на меня. — Отвернись, падаль!

Я отвёл взгляд, чувствуя, как к горлу подкатывает ком.

Мне хотелось кричать и бесноваться. Схватить его за грудки и швырнуть о стену. Ледяное спокойствие мертвеца разрывало желание убить. Убить эту чёртову гниду, придушить, раздавить, разорвать на части. Но я не мог сделать ничего.

— Аннушка, ты же не хочешь, чтобы я рассердился? — прохрипел Антони, судя по голосу, окончательно расшвыряпев.

— Нет, господин, — плача, ответила девушка.

— Тогда делай, что я сказал! Раздевайся!

«Как жаль, что мать не видит, какое чудовище воспитала», — подумал я, и тотчас ощутил робкую надежду; разум подсказал единственный вариант, что можно сделать.

Я осторожно согнул и разогнул пальцы. Рука слушалась.

«Интересно, как это работает, — думал я. — Каковы границы, за которые мне удастся выходить без приказа? Я не могу причинить вред Антони, но... могу навредить Анне».

Я шевельнул плечом, стараясь двигаться так, чтобы мальчишка ничего не заметил. Рука снова послушалась. Я понял: сейчас или будет поздно.

«Я не могу защитить тебя иначе, Анна... Не смогу никогда, пока он мною владеет. Поэтому, прости, но будь что будет!».

Коротко шагнув к Анне, я с размаху ударил её кулаком в скулу. Девушка, всё так и стоявшая, сжимая завязки платья, не ожидавшая ничего подобного, рухнула на пол, ударившись плечом об стену. Кажется, она потеряла сознание.

Антони аж подскочил от неожиданности. Я же снова замер, словно ничего не произошло.

— Это что ещё было?! — прошипел он, испуганно глядя на меня. — Замри! — крикнул юноша, для верности схватив амулет некроманта, висящий у него на шее.

Я действительно замер, стараясь изобразить абсолютный ступор, даже не двигая зрачками. Поняв, что мормилай полностью ему подчиняется, Антони выдохнул.

— Видишь, Анна, как мой слуга чувствует настроение хозяина, — протянул он, старательно скрывая дрожь в голосе. — Надо было слушаться...

Лежащая на полу кухарка не проронила ни звука. Антони явно растерял уверенность, а потому поспешно ретировался.

— Э-э-эм... Ладно... Доброй ночи... — пробормотал он кухарке, стараясь не глядеть на неё. — За мной, — бросил он уже мне, для верности глянув на меня через плечо.

Я послушно шагал следом. Он привёл меня в оружейную, где я очнулся ранее.

— Ложись, — скомандовал юноша. — Пока не приду, лежать!

Погасив масляные лампы, Антони ушёл. Остался только я, глядя в каменный потолок. У меня внутри зияла пустота, которую теперь робко заполняли мыслеобразы прошедшего вечера. Шли минуты и часы, за окном темень сменялась рассветом. А я думал. Думал о том, как его обмануть.

«Надо быть хитрее, покорнее. Притупить его бдитель-

ность».

Несмотря на ужас и подлость увиденного сегодня, я обрёл надежду. Осознал, что надо каждый день прощупывать границы дозволенного, и тогда однажды мне выпадет шанс.

«Надо действовать так, чтобы он был во мне уверен. Возможно, следует иногда подыгрывать, чтобы ему понравиться, настолько, насколько можно понравиться прожжённому негодяю. Тогда он расслабится и не будет формулировать приказы правильно, чётко, и однажды ошибётся».

Наутро Антони явился по мою душу. Распахнув дверь привычным пинком, он остановился подле меня, с отвращением разглядывая.

— Надо тебя переодеть. Эта дырявая русарийская форма меня бесит. А то не ровен час, голову снесу!

«Снеси, снеси, — подумал я. — Матушка тебе самому потом снесёт».

— Войцех! — крикнул он. — Войцех!

Спустя пару мгновений в оружейную вошёл пожилой мужчина. Седая шевелюра спадала до плеч. Многочисленные морщины тяжёлыми пластами будто давили на его лоб, отчего глаз почти не было видно.

— Войцех, когда ты уже наймёшь мне камердинера? — скрестив руки на груди, спросил юноша.

— Когда ваша матушка о том распорядится, — ответил дворецкий. — И вы об этом прекрасно знаете.

Мальчишку явно разозлил укол со стороны слуги, но он

не решился нагрубить ему, пробурчав:

— Войцех, сними мерки с этой падали, а затем закажи что-то... Подешевле, но не такое мерзкое. Чтоб не хотелось его убить!

— Как будет угодно моему господину, — поклонившись, ответил слуга.

Антони уже было собирался уйти, но Войцех заговорил.

— Мой господин... Матушка... Она просила вас привести на завтрак кормилая.

— Это ещё зачем? — опешил юноша.

— Мне велено лишь передать, господин, — чинно ответил лакей.

— Чёрт, он уже начинает мне надоедать, — с явной досадой обронил Антони. — Ладно, раз просит... Вставай, пугало!

Я поднялся.

— За мной.

Я повиновался. Мы пришли в тот самый зал, где хозяйка дома принимала некроманта в день сделки. Было накрыто на две персоны. Два отварных яйца в пашотницах, две тарелки овсяной каши, свежий хлеб и графин с морсом и чай.

— Госпожа Сабина... сын, — с поклоном доложил Войцех и удалился.

— Доброе утро, маман, — елеино улыбаясь, протянул Антони.

— Ты её трахнул? — вместо приветствия, язвительно про-

цедила пожилая леди.

— Что, прости? — невинно изумился юноша.

— Ты её трахнул, — утвердительно заявила хозяйка дома.

— Да кого? Матушка? В чём, собственно, дело?

Отложив только что взятую в руки ложку, леди Сабина подняла испепеляющий взгляд на сына.

— Ты трахнул кухарку! Бастардов захотел?! — взревела она. — Я ищу ему невесту, он только морду воротит! А ему оказывается ничего не надо! Он и тут хорошо развлекается! Забавляешься с прислугой? Она не рабыня, Антони! Если она на тебя заявит?! Ты об этом подумал?

— Мама, что за тон... — тихо проговорил Антони.

— Решил обрюхатить кухарку? Наш род и так угасает! Тебе надо жениться и строгать наследников! А ты пьёшь и трахаешься с прислугой! — окончательно теряя лицо, прокричала хозяйка. — Не хочешь выбирать из того, что есть, значит, выберу я!

— Да в чём дело? — топнув ножкой, взвизгнул Антони. — Никого я не трахал!

— А кто разбил Анне лицо?

— Это он! — крикнул юноша, указав на меня, чем тотчас себя выдал.

— Вот за этим я и велела его привести. Ты всегда сваливаешь вину на других! С детства такой... Ты меня разочаровал, Антони... Ох, моё бедное сердце... Как мне вынести эту боль?

— Послушай, там не так всё было...

— Закрой свой рот, — прервала его пожилая леди, в голосе которой вибрировала сталь. — Ещё одна такая выходка, и твоей невестой станет самая жирная и прыщавая девка, какую я только найду.

— Маман...

— И слышать не хочу. Ещё хоть раз притронешься к прислуге, я лишу тебя наследства!

«Прости, Анна, но оно того стоило, — подумал я, чувствуя затылком ненависть моего повелителя. — Хотя бы так... Гематома пройдёт, но теперь эта мразь не тронет тебя... Какое-то время».

Глава 3

Одиночество — это когда ты живёшь в доме, полном людей, а тебе некому пожелать спокойной ночи.

Шли дни. Антони куражился от души. Видимо, некромант оставил ему некую инструкцию, как со мной обращаться, а мать заставляла привыкать к телохранителю и тренироваться. Что он и делал в свойственной обалдуйской манере. Антони мог среди ночи позвать меня, чтобы я вынес ночной горшок, заодно велев хорошенько его отмыть. Ему не требовалось даже вставать, чтобы позвать меня. Лишь мысленный приказ, и я повиновался, поднимаясь в его покои. Юноше нравилось меня донимать. Я же нашёл, как извлекать из этого пользу.

Дело в том, что не всегда перебравший с вином или попросту рассеянный господин формулировал свои приказы четко. Как-то раз, вызвав меня посреди ночи для того чтобы я открыл окно, он лениво бросил:

— Проваливай, падаль!

Я развернулся и ушёл, внутренне ликуя. В его приказе не было конкретики, поэтому, едва я вышел за дверь, зуд в затылке унялся. На всякий случай я вернулся обратно в оружейную и ждал часа два. Особняк был погружён во мрак и

забытьё. Никогда бы не подумал, что научусь разбираться в градациях тишины. Смогу постигать её глубину и использовать, как паук паутину. Хозяева и слуги спали. Я слышал их дыхание, слышал, как под полом скребётся мышь, как садится на крышу ночная птица, как по дымоходу карабкается муравей. Первой моей идеей было снять со стойки алебарду, а затем, вернувшись в покои хозяина, подбросить оружие над его постелью.

«Это же не попытка убийства в чистом виде? — подумал я, но всё же оставил эту затею. — Слишком грубо и мелко. Так поступил бы сам Антони. В случае провала я навсегда потеряю доверие, и он уж точно не даст второго шанса».

Когда Антони вновь совершал подобную промашку, я выжидал, пока все заснут, и изучал особняк. Моё ночное зрение позволяло прекрасно обходиться без света. И я научился ждать, как никто другой. У меня была целая вселенная времени и полное отсутствие усталости. Уже скоро я узнал многое. Например, в каких комнатах спят слуги, какие двери можно заблокировать снаружи, где ещё, помимо оружейной, хранится оружие, в котором часу привозят свежее молоко и яйца фермеры, оставляя продукты рядом с крошечным окошком у калитки чёрного входа. Я наведывался в винный погреб, узнав, когда дворецкий забывал его запереть, и был прекрасно осведомлён о вкусах моего господина, даже мог подгадать, какую из бутылок первой подадут ему на следующий день. Конечно же, мне в голову пришла мысль об отрав-

лении. Но и её я отмёл, как чересчур простую.

«Моя душа томится в амулете на его шее. Что, если, увидев, как он наливает себе отравленное вино, я против воли попытаюсь спасти хозяина, выбив бокал из его руки?».

К моему вящему облегчению, Антони больше не обижал Анну. Он был груб и несносен, но инцидент с ночным посещением более не повторялся. Конечно, дело было в матери. Сабина Веленская не питала никаких иллюзий относительно будущего сына, а потому держала его в ежовых рукавицах. Она действительно искала для него подходящую партию, и основным критерием выбора была сильная семья.

«Мать боится, что её полудурок-сынок будет немилостив к супруге, которую запугает и подавит, в результате чего им самим некому будет управлять. А ему нужна такая жена, которая не даст промотать всё состояние».

Поэтому Сабина искала сильную семью, чтобы у невесты была пара-тройка братьев, которых Антони будет бояться. Хозяйка часто принимала гостей, иногда мне удавалось подслушивать их разговоры.

— О-о-о, Вера, если бы ты знала, как я намучалась! — сетовала Сабина. — Иногда я предлагаю ему девиц, с родителями которых даже не говорила. Просто потому, что знаю, он откажется. На самом деле отказывает не он, а ему. Но как я могу об этом сказать? Какой ни есть, он мой единственный сын!

— Твоей вины тут нет, моя дорогая, — отвечала подруга

хозяйки. — Он весь в отца. Дурная кровь, уж прости, если...
— Не говори об этом, — строго потребовала Сабина.
— Твоя правда. Но так и знай, эту кровь надо разбавить, быть может, даже не раз. Глядишь, в следующем поколении выйдет что-то путное.

Антони, конечно, знал, что мать от него не в восторге. Возможно, лишь заблуждался в истинных масштабах её разочарования. Так или иначе, отношения сына с матерью были, мягко говоря, натянутыми. Антони был её единственным сыном. Его отец, Арон Веленский, умер пятнадцать лет назад. От первого брака Арон имел сына и дочь; сын погиб во младенчестве. Что случилось с дочерью, узнать не удалось, о ней не упоминали в разговорах. Прочие же сведения я почерпнул из генеалогического древа, написанного на стене в кабинете покойного Арона.

Когда Антони ошибался, давая мне нечёткий приказ, я бродил ночами и искал малейшие ниточки и зацепки, что угодно, что помогло бы мне вырваться из плена. Приходилось осторожничать, порой выжидать по несколько дней. Но я упорно шёл к цели, всё лучше и лучше узнавая своего врага.

Вопреки чаяниям матери, Антони даже и не думал взяться за ум. Его не интересовала ни карьера военного, ни при дворе. О женитьбе парень «думал» лишь за разговорами, которые навязывала Сабина. И как только мать отступала, продолжал заниматься тем, что у него лучше всего получалось

— проматывал фамильное состояние.

Антони любил играть. Он часто посещал заведения, в которых оставлял все взятые с собой деньги. Порой он играл в долг, плодя позорные расписки. Я не видел, что это были за места. Хозяин брал меня с собой для охраны, но всегда оставлял дожидаться в кабине дилижанса. Поначалу меня это удивляло.

«На кой чёрт ему телохранитель, если я не могу быть рядом, когда он вне маменькиного «замка»?»

И всё-таки кое о чём я догадывался. Меня привезли в их дом в телеге с сеном, то есть тайно. Ознакомиться с законами Поларнии я по понятным причинам не мог, но отчего-то думал, что деятельность некромантов здесь не под запретом. Вырисовывалось одно и весьма простое заключение о природе подобной скрытности:

«Однажды меня используют для убийства».

Это объясняло многое. Никто не должен был в быту увидеть ни лица мормилая, ни даже знать о том, что таковой куплен семьёй. Тогда в случае необходимости можно использовать безвольного зомби для любой, даже самой безрассудной миссии, пустить в расход, приказать самоустраниться после выполнения задачи. И комар носа не подточит. Кто этот мормилай, чей он? Да кто ж его знает! Они же не могут разговаривать! А сам некромант, продавший кадавра, не выдаст — он заключил нерушимый контракт.

Как-то раз Антони сильно проигрался. Я ждал его

несколько часов, изучая потолок дилижанса, рассматривая уже давно известные мне элементы рисунка внутренней обшивки. Вдруг в дилижанс буквально влетел растрёпанный, словно куст терновника, Антони.

— Трогай! — крикнул он, едва его задница коснулась сиденья.

Я привычно замер, дабы не смущать моего господина излишними проявлениями собственного существования.

— Бубновый туз на последней раздаче! — горячно бросил Антони, украдкой глянув в оконце в двери. — Не было у него туза! Он вышел!

«Мне-то какая разница, — подумал я, — Им говори, не мне».

— И ещё эта ухмылочка! — не унимался Антони. — Долг платежом красен! Да что бы я был должен тебе?! — выкрикнул он, ткнув пальцем по направлению к заведению, какое мы уже оставили позади. — Держи карман шире, ловкач! Тебе тут ничего не светит! Я — Веленский! Это тебе что-то говорит?!

Мне это, конечно, ничего не говорило, кроме того, что данный род скоро пресечётся противоестественным образом. Я понял, что Антони попал меж молота и наковальни. Парень без сомнений встрял... был должен. И, похоже, на этот раз значительно больше, чем обычно. Однако сообщить правду своей «маман» юнец не мог, и даже не в силу природной трусости.

«Похоже, вокруг него собралась компания шулеров, которые давно взяли дуралея в оборот. Но на этот раз решили прищучить как следует, — догадался я. — Шутки кончились, Антони. Пора тебе во взрослую жизнь. В твои шестнадцать я уже не просто разучил строевой шаг, а командовал отделением. Но тебе этот навык навряд ли пригодится... Ведь ты не умрёшь на поле боя. Тебя зарежут молодчики кредитора».

Видимо, юноша пришёл к такому же выводу. Когда мы вернулись в особняк, Антони прихватил из погреба две бутылки вина, после чего заперся в своей спальне, велел мне дожидаться указаний в оружейной. Я повиновался. За окнами загорались масляные фонари. Мне не было их видно, лишь размытые световые сферы, что расцветали над стеной. Особняк Веленских стоял на окраине города на очень короткой улице. Здесь было пять поместий по одну сторону дороги, с другой теснились здания частных мануфактур. Оружейная комната, в которой мне приходилось коротать долгие дни и часы, располагалась на втором этаже. Дожидаясь очередного зова, я подолгу стоял у окна, ни о чём не думая, а просто созерцая небо и звёзды.

Я понимал, что не просто изменился, а стоял по ту сторону бытия смертного, но лишь одной ногой, прицепившись к старому миру другой. Я чувствовал запахи, видел, слышал, правда не мог говорить. Мне не требовалось есть или пить. Мысли почти лишились эмоциональной окраски, и многое

из того, что волновало меня как человека при жизни, перестало быть важным. Я вспоминал семью, но это не вызывало трепета, на поверхности сознания отпечатался лишь сухой факт — она у меня когда-то была. Когда-то. При желании можно было подсчитать, сколько времени прошло. Но мне не хотелось этого делать. Зачем? Что это изменит? Точно так меня совершенно перестала волновать обстановка на фронте. Я слышал отдельные обрывки разговоров и фраз о том, что стороны склоняются к миру. Мне-то от этого что? Сознание заполняла холодная, всепоглощающая тоска. Всё вокруг казалось блёклым и серым. Я просто замирал у окна и смотрел вдаль невидящим взглядом, теряя счёт времени.

— В мою спальню, — в голове раздался мысленный приказ Антони. — Быстро!

«Ну, наконец-то. Я уже успел соскучиться, — мрачно подумал я и повиновался. — Что сегодня? Горшок, окно или комара убить?».

Однако Антони удалось меня удивить. В спальне был ещё один человек — дворецкий Войцех. Тот сидел у окна за небольшим откидным столом секретера. Перед ним лежало ни что иное, как карта города. Когда я переступил порог спальни, Антони поспешно закрыл за мной дверь.

— Подойди к Войцеху. Слушай и запоминай всё, что он скажет.

Я повиновался.

— Это карта нашего славного Крампóра, — проскрипел

старик. — Сейчас продаются и поновее, но мне нравится эта. Она составлена очень точно. — Он ласково погладил истёртую бумагу трясущейся жилистой кистью. — Её просто читать. Посмотри, мормилай, мы здесь.

Он указал пальцем на схематическое изображение поместья, которое действительно внешне походило на оригинал.

— А вот здесь проживает один пренеприятный тип. Он обманул нашего господина, украл его деньги и требует ещё. С ним надо разобраться.

— И забрать расписку! — добавил Антони.

— Да, и забрать расписку, — согласился дворецкий.

Повисла тишина. Антони хотел что-то ещё сказать и даже открыл рот, но, поймав мой взгляд на себе, сделал вид, что зевает.

— Для того чтобы попасть в эту часть города, тебе сначала необходимо добраться вот сюда. — Он снова указал пальцем точку на карте. — Это Бронзовая площадь. Ты её легко узнаешь, там много скульптур вдоль канала... Если быть точным, девятнадцать. Охотник и сокол, Мать... Впрочем, не важно. Тебе не нужно этого всего знать... Так вот, добраться до Бронзовой площади лучше всего через парк, там множество тропинок, пышная растительность, и если кто тебя и увидит, то ни за что не поймёт, откуда ты пришёл.

Я кивнул.

— На Бронзовой площади всегда дежурят извозчики. Найми двуколку до верхнего порта. Я напишу тебе записку,

покажешь её извозчику. От порта до конечной точки твоего пути надо миновать по прямой четыре переулка: Аптечный, Тупиковый, Кошачий и последний — Угловой. На Угловом повернёшь направо, а затем отсчитаешь одиннадцать домов. Двенадцатый, тот, где живёт нехороший человек.

Дворецкий замолчал, растирая виски и громко дыша.

— Я не знаю, как ты физически оснащён и что умеешь. Заходить в дом с фасада — полное безумие... Антони, — обратился он к хозяину, подняв на него усталый взгляд.

Юноша, всё это время нервно вышагивающий по спальне из конца в конец, остановился подле дворцового.

— Можешь, всё-таки не стоит? Я не умею планировать стратегически... такие дела. Мы можем сделать только хуже.

— Исключено, Войцех, — тихо, но твёрдо ответил Антони. — Если от него не избавиться, он не отстанет.

— Мормилай, тебе надо убить человека в этом доме. — Дворецкий постучал ногтём по карте. — Сделать это как можно более скрытно. Только его, остальных домочадцев не трогать, они ни в чём не виноваты. Ты способен выполнить такую задачу чисто?

Я кивнул.

«Нет смысла отказывать дворцовому. Если мальчишка решил, то он всё равно меня заставит. Старик хотя бы способен снабдить информацией».

Оба смотрели на меня в нерешительности. Я показал им раскрытую ладонь, а затем изобразил, будто пишу на ней.

— Он хочет что-то написать. — Догадался Войцех. — Господин, не смею рыться в вашем секретере...

Антони подскочил к столу, открыл один из ящиков, достал чистый лист бумаги, затем перо и, налив чернила, замер, с интересом следя за мной. Я написал лишь четыре слова. «мне нужен план дома». Дворецкий почесал в затылке.

— Точного плана я подготовить не смогу. Можно подкупить какую-нибудь из служанок... Но на это потребуется некоторое время.

Я перевёл взгляд на Антони.

— Времени нет, — прошипел он, вытаращив глаза. — Мне дали срок до конца недели. Сегодня среда!

— Уже за полночь, значит, четверг, — сипло поправил его Войцех. — Хорошо, я попытаюсь что-нибудь раздобыть.

— Не попытаюсь, Войцех. Заклинаю тебя! Сделай! — взмолился Антони, заламывая руки. — Иначе всё... Я пропал!

— Сделаю, сделаю, — закивал дворецкий. — Постараюсь... Это всё? — осведомился он, глянув на меня.

Я снова принялся писать: «Тёмный плащ с капюшоном. Сабля, ножны к ней и пояс. Два пистолета, порох, кастет без лезвий, верёвка, засапожный нож».

Антони придирчиво следил за тем, что я пишу, глядя из-за плеча. Дворецкий изучил список, задумчиво кивая головой.

— Понятно, — печально протянул он. — Что ж, тогда де-

ло за мной.

Следующие два дня Антони вёл себя так, словно я если не его друг, то по крайней мере гость. Он ни разу не позвал меня мысленно, да и вообще появился лишь трижды. На второй день прачка Агата принесла мне давно заказанную Войцехом новую одежду. Дверь распахнулась, и в помещение вошла женщина лет тридцати. Её руки от кисти до локтя были чуть красными и сухими, а кожа на ладонях местами потрескалась. Медленно и осторожно подойдя, она остановилась напротив, изучая моё лицо. Она редко высыпалась, это было видно по паутинке красных полопавшихся капилляров на её глазах. Женщина опустила стопку с одеждой рядом со мной. Разогнувшись, она оказалась совсем близко. Её ноздри расширились, она принюхивалась, подавшись вперёд.

– Никогда такого не видела, – поделилась она, глядя мне в глаза. – Ты меня слышишь?

Естественно, я не ответил, однако, ощутил слабое, но все же ощутимое удовлетворение. Она глядела на меня как на забавную диковинную вещь, но говорила со мной. Этого очень не хватало.

– Говорят... – прошептала она, изучающе глядя на меня долгим взглядом. – Что такие, как ты совершенные убийцы. Это так?

Я молчал.

– У тебя очень добрые, но печальные глаза. Разве обладатель таких глаз может убивать по приказу... – Она осеклась,

смолкнув.

Но мне показалось, что мы поняли друг друга.

— Знаешь, — вдруг сказала она, немного помолчав. — Не смотря на эту бледность, и суть... твоего прибывания здесь... Я не боюсь тебя.

Её шершавая ладонь легла мне на щёку. Ощущение прикосновения этой странной женщины всколыхнуло забытые и отринутые чувства. Тело содрогнулось. Мне стало жарче. Агата молчала и только следила за моей реакцией, а я не двигался, изучая её. Чёрные волосы были убраны под чепец, чуть курносый нос то и дело подёргивался, она была простужена. Женщина не убирала руки и принялась тихонько и нежно поглаживать меня. С удивлением я обнаружил, что чувствую и её тепло. Агата неотрывно смотрела мне в глаза, а потом вдруг прильнула и поцеловала в губы. Это было так странно и... дико. Женщина прекрасно знала, кто перед ней. Но она действительно не боялась, а наоборот, жалась ко мне в надежде получить хоть толику тепла даже от такого странного существа. Я и сам не знал, кто я теперь... Мормилай — уже живой, ещё не мертвец, что-то посередине.

«В каком же прекрасном мире живём мы — люди, — раздумывал я, запуская руку в её уже начавшие сесть волосы. — В нём счастье — лишь редкая привилегия, а одиночество — обыденность и приговор».

— Новая одежда... — прошептала Агата, продолжая меня целовать, опускаясь к подбородку, а затем к шее. — Я пе-

реодену тебя.

Она начала расстёгивать грязный, пропитанный давно свернувшейся кровью офицерский мундир, медленно и ловко подцепляя пуговицы. Затем стянула с меня штаны и исподнее. Отойдя на шаг, она осмотрела меня с ног до головы. Её щёки зарделись, а с губ сорвался томный вздох. Агата положила ладони мне на плечи, увлекая за собой. Её кисти опустились к низу моего живота. Она смотрела мне в глаза и распалялась всё сильнее и сильнее. Затем уложила спиной на пол и опустилась сверху, не раздеваясь, лишь приподняв подол платья. Сначала Агата двигалась осторожно и неуверенно, но потом принялась страстно шептать на ухо какую-то чепуху, жадно скользя по мне вверх-вниз, чуть подрагивая. Её слова становились громче, а фразы короче. Потом её тело выгнулось дугой, она застыла и рухнула мне на грудь. Мы лежали так долго, я даже начал опасаться, что кто-то может нас застать.

«Мне-то всё равно, а ей наверняка влетит».

Но Агата пришла в себя. Оперевшись о мою грудь, она вновь одарила меня долгим задумчивым взглядом. А затем снова поцеловала и принялась одевать. Собрав мою старую одежду, прачка ушла, так ничего и не сказав больше.

«И всё-таки я почти человек, — думал я будущей ночью, разглядывая через окно звёздное небо. — Пусть обречённый, срок которому словно игрушке, пусть безвольный и бесправный, но... Но. То, что сделала со мной Агата, до-

казывало, что отчасти я жив. Я другой. Необычный. Переделанный. Но всё-таки человек».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.